

---

---

Гж. В. Колодко

## ЭКОНОМИЧЕСКИЙ НОНСЕНС И ОПАСНОСТИ ВТОРОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

*Уже в четвертый раз в XXI в. говорят, что миру, каким мы его знаем, пришел конец и ничто больше не будет таким, каким было раньше. Такие мнения преобладали не только в СМИ и политических кругах, но и в многочисленных социологических исследованиях. Так было после террористической атаки исламских фундаменталистов на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. Так было и после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2010 г. То же самое было сказано в контексте разрушительной пандемии COVID-19. Это имеет место и сейчас, когда идет конфликт между Россией и Украиной.*

*Несмотря на различие всех этих драм (одно из главных в том, что кризисы на рубеже первого и второго десятилетий века были предсказуемы), несомненно одно: все они оставляют значительный след в окружающей нас реальности и сильно влияют на будущее.*

*Думаю, наш мир попал в ловушку. Но он может выбраться из нее. Может, правда, не обязан...*

**Ключевые слова:** геополитический дисбаланс, стабильность международных отношений, конфликтующие интересы, эмансипация экономик.

**EDN:**

**DOI:**

### Вторая холодная война – это мировая война

Итак, что же происходит в нашем мире, который сам загнал себя в ловушку? Есть поговорка: если мы не знаем, в чем заключается сделка, тогда это – деньги. Для некоторых это, несомненно, так, но проблема сложнее. В игры играют на разных уровнях. На самых низких уровнях эти игры часто касаются чьей-то безопасности, выживания

и крыши над головой. На самых высоких уровнях – ради престижа, власти и доминирования. В то время как одни с трудом сводят концы с концами, другие борются за многомиллиардную прибыль. Одни просто хотят жить достойно, другие – править. Сделка, конечно, не касается того, что официально провозглашается политиками и СМИ стран, различными способами вовлеченных в украинский кризис.

По сути, речь идет о восстановлении мирового порядка, который сложился после окончания холодной войны, длившейся с 1947 по 1991 г. Установлению этого мирового порядка способствовал распад Советского Союза, но, как оказалось, исчезновение СССР также стало семенем некоторых более поздних конфликтов, из которых драма, разворачивающаяся вокруг Украины, пожалуй, является сегодня самой серьезной.

Распад СССР произошел практически мирным путем, и это было великим достижением. Мирно это произошло благодаря тому, что в то время было принципиально принято, что все пятнадцать новых постсоветских государств останутся в границах бывших социалистических советских республик. Причем границы были проведены в другой реальности – во времена царской империи и Советского Союза.

В советское время было неважно, за кем закреплены, к примеру, Крым или Каракалпакстан (в настоящее время это автономная республика в составе Узбекистана, которая теоретически имеет право на самоопределение). А на пути из Ташкента в Самарканд часть дороги проходит через Казахстан, потому что именно так она была проложена по логике единого государства – СССР. Однако теперь это может вызвать проблемы. И это испытала Грузия в отношении Абхазии и Южной Осетии, а еще раньше нечто подобное произошло в отношении другой территории – Приднестровья, о котором в последнее время вспоминали все чаще из-за его расположения на границе между Молдовой и Украиной.

В те же три десятилетия наблюдался рост могущества Китая, который перестраивает мировой порядок, некоторым образом ослабляя крупные и богатые страны Запада, включая США, которые не хотят с этим мириться. Прошло 30 лет, а подъем могущества Китая по-прежнему остается шоком, от которого американцы не могут оправиться. Попутно несколько бывших «стран третьего мира» эмансипировали себя. Многие из них не хотят забыть об унижениях колониальной эпохи и отказываются подчиняться другим государствам, и прежде всего своим бывшим имперским метрополиям. В этом контексте мир находился в состоянии далеко идущего геополитического дисбаланса. И теперь великие потрясения пробудили демонов, повыскакивавших из разных уголков и щелей. Подобно тому как вора создает случай, крупный геополитический кризис дает шанс совершить рывок. Поэтому некоторые забегают вперед, говоря, что все они за мир и умиротворение.

Звучат противоречивые мнения, предполагающие, что Запад не только хочет замедлить (если блокирование уже невозможно) подъем сверхдержавы Китая и маргинализировать Россию на мировой арене, но и что внутри западных держав ведется игра, направленная на усиление влияния тех, кто находится на международной арене за счет других. В частности, Соединенные Штаты и Соединенное Королевство, идущие бок о бок (последнее особенно после Brexit и отхода от Европейского союза) – под лозунгами противостояния России и противодействия предполагаемой угрозе стабильности международных отношений со стороны Китая, – стремятся снизить относительный экономический вес ЕС, особенно его региональных держав – Германии и Франции. Согласно таким взглядам, антироссийские санкции – прежде всего прекращение Западом импорта нефти и газа из России, что очень легко дается американцам и британцам, поскольку они импортируют оттуда мало этих энергоресурсов<sup>1</sup>, – также используются Вашингтоном для усиления экономической зависимости Европы от него, структурно привязав ее к покупке этого сырья по непомерным ценам у поставщиков из США. Такие взгляды вряд ли убедительны, но не более убедительным было бы предположить, что энергетическое лобби США и подобострастно настроенные по отношению к нему политики не используют ситуацию в корыстных интересах за счет ухудшения положения своих европейских союзников и партнеров.

Таким образом, у нас набирает обороты вторая холодная война, лишь с несколькими горячими очагами. Я уже некоторое время описываю состояние напряженности в международных отношениях именно как вторую холодную войну. Так, в 2014 г. международные отношения, особенно на линии Запад – Восток, ухудшились настолько, что позволили использовать такой термин: «Сто лет назад была спровоцирована война. Это продолжалось почти четыре с половиной года, и были убиты миллионы людей. Вначале никто не знал, что это будет мировая война, но она быстро приняла такой характер. В 1920-х и 1930-х годах она называлась Великой войной. И только когда 25 лет спустя разразилась другая война, война 1914–1918 г. стала называться Первой мировой. Вскоре после окончания Второй мировой войны (1939–1945) началась холодная война. Она была развязана Западом против Востока, который потерпел поражение через пару десятилетий. По этому поводу даже случилось так, что “конец истории” был объявлен после 1989 г. Как рано... До начала “второй холодной войны” прошло всего два поколения мирного времени. Отныне противостояние 1946–1989 гг. историки будут называть

<sup>1</sup> Природный газ, импортированный из России в 2021 г., составлял менее 5% британского импорта этого топлива, а сырая российская нефть и продукты ее переработки – менее 8% американского импорта. В случае Германии импорт газа из России составил целых 55%, а из Франции – 17%.

“первой холодной войной”. Однако на этот раз в ней победит не та сторона, которая его начала, то есть, опять-таки, Запад. Восток тоже не выиграет эту войну. Победителем станет Китай, который заботится о своем бизнесе и последовательно реформирует и развивает экономику, что с каждым годом укрепляет международные позиции Китая. Спустя еще десяток лет, – когда глупые ястребы “второй холодной войны” устанут, как в США и их союзниках, так и в России, – Китай станет более великой державой. Как абсолютно, так и в сравнении с США, Европейским союзом, Россией... Относительно лучше будет положение других стран, включая государства с развивающимися экономиками, которые достаточно умны, чтобы не поддаваться ветрам следующей холодной войны»<sup>2</sup>. [1]

Эти фразы написаны девять лет назад, но я убежден, что они сохраняют актуальность. Теперь, полагаю, вполне возможно, что Китай не столько выиграет эту холодную войну, сколько выйдет из нее менее потрепанным, то есть в относительно более благоприятной форме, чем другие «прифронтовые» страны.

2014 г. был важным годом, возможно, даже переломным из-за антироссийского поворота Украины после протестов на Майдане, которые некоторые даже называют революцией, и из-за присоединения Крыма к России. Однако причины не столько вспышки, сколько постепенного зарождения новой холодной войны берут начало на целое десятилетие раньше. Американское вторжение в Ирак – хотя и с участием союзников США – ознаменовало начало охлаждения в отношениях России и Запада, особенно в отношениях России и США, потому что они по-прежнему были хорошими с Германией, а также потому, что она не присоединилась к не санкционированному ООН вторжению в Ирак. Именно тогда начался процесс пересмотра позиции России, приведший к переходу от сотрудничества с Западом к «вставанию с колен», на которые Россия якобы была брошена после ликвидации СССР в годы президентства Б. Ельцина. Этому способствовал *фактический* провал политики США на Ближнем Востоке. С точки зрения Кремля, значение Белого дома в мире, возможно, снизилось. Так как же Москва могла не воспользоваться такой ситуацией? Рассуждения подобного рода – чем слабее партнер или противник, тем я сильнее, – дали о себе знать во многих аспектах российской политики. Кстати, это похоже на нынешнюю антироссийскую и тем более на антикитайскую политику США.

На богатом Западе, особенно по обе стороны Северной Атлантики и на западном побережье северной части Тихого океана, все более

<sup>2</sup> Grz. W. Kolodko. Blog. Truth, Errors, and Lies: Politics and Economics in a Volatile World, post 2506, November 10, 2014 (<https://www.wedrujacyswiat.pl/blog/kolodko/>; access 2.04.2023).

могущественный, поскольку экономически развитый, Китай рассматривается как угроза их интересам, хотя о нем говорят как об опасности стабильному мировому порядку. Если ответом на такую реальную (или иллюзорную) угрозу является трата ресурсов не на увеличение военных расходов, а на экономические программы, конкурирующие с китайскими инициативами, тогда прекрасно. По приблизительным подсчетам, за десять лет реализации инициативы «Один пояс – один путь» (BRI) – с момента ее запуска в 2013 г. до 2022 г. – Китай выделил на этот проект более 900 млрд долл. И только по прошествии этих десяти лет богатые и крупные страны, входящие в G7, обязались на своем саммите в конце июня 2022 г. мобилизовать в течение следующих пяти лет 600 млрд долл., 200 из которых – из США, из частных и государственных источников для инвестиций в слаборазвитые страны. Эта идея, получившая название «Партнерство в интересах глобальной инфраструктуры и инвестиций» (RGI), согласно заявлениям официальных лиц G7, призвана не конкурировать с BRI, а в некотором роде дополнять ее, направляя деньги на инфраструктуру, такую как дороги и мосты, порты и аэропорты (как в китайской инициативе) и климатические проекты, а также на энергетическую безопасность, обеспеченность цифровыми каналами связи, здравоохранение и равенство женщин. В некоторых из этих областей китайцы уже несколько лет проявляют активность во многих странах, поэтому еще предстоит выяснить, насколько конкурентоспособным будет RGI по отношению к BRI и насколько обе инициативы будут единодушно поддерживать экономическое развитие отстающих стран.

В бедных странах на Китай смотрят с надеждой, что он поможет им развиваться, но есть также много опасений по поводу того, что сотрудничество с таким крупным и могущественным партнером не может быть сбалансированным и основываться на равном партнерстве.

Итак, в то время как одни возлагают большие надежды на Китай, с его гибридной политико-экономической системой, которую я называю китаизмом<sup>3</sup> [2], состоящей в умелом сочетании власти невидимой руки рынка с видимой рукой государства и господством меритократии, другие боятся и предостерегают от этого. Такой скептицизм или даже китаефобия вредны для глобализации, потому что подавляют и без того недостаточно зрелую политическую глобализацию. Хотя более чем сдержанное отношение Запада к Китаю во времена маоизма можно было понять, трудно аплодировать ему во времена китаизма, который отличается от экспорта революции в прошлом. Если только не рассматривать в качестве симптома такого сходства

<sup>3</sup> Grz. W. Kolodko. «Socialism, Capitalism, or Chinism?», «Communist and Post-Communist Studies», 2018, Vol. 51, No. 4, p. 285–298 and Grzegorz W. Kolodko, «China and the Future of Globalization: The Political Economy of China's Rise», I.B. Tauris Bloomsbury, London – New York, 2020.

возможность распространения китаизма в определенных регионах мира из-за его экономической привлекательности и ввиду разочарования, испытываемого жителями многих бедных стран перед лицом экономических недостатков демократии, которые недавно ощутили в таких разных государствах, как Бангладеш, Чили, Шри-Ланка, Тунис, ЮАР и Гаити.

Маоизм практически не мог предложить ничего ценного<sup>4</sup> [3] для созидания, в то время как китаизм может ассоциироваться с накоплением капитала, передачей технологий или подготовкой кадров<sup>5</sup>. Если анархизация продолжится на волне различных экономических и политических кризисов, если разовьется новый национализм и возрастет негодование по поводу жесткого правления, может ли произойти повторное распространение китаизма? Это то, чего некоторые на Западе могут опасаться и поэтому склонны заранее противостоять китайской мощи. Этот диссонанс является еще одним фактором, способствующим нынешней холодной войне.

### Противоположные идеи и конфликтующие интересы

Вторая холодная война – это война мировая, потому что, хотя в ней активно участвуют всего несколько десятков стран, она пассивно затрагивает всех. Не только из-за роста цен на продовольствие и сырье, особенно энергоносители, но и потому, что при существующем глобальном (бес)порядке каждый должен занимать какую-то позицию во всем, что касается российско-украинского конфликта. Невозможно не иметь своего мнения по этому вопросу. Показательно, что вопрос о начале СВО Россией – постоянным членом Совета Безопасности быстро попал в повестку Генеральной Ассамблеи ООН. Что также имеет значение, так это результаты голосования по резолюции, осуждающей Россию. На Западе было отмечено – 141 страна поддержала ее. Тот факт, что 52 страны не поддержали резолюцию, был подчеркнут самой Россией и в нескольких других специфичных местах мира<sup>6</sup>. Только пять государств выступили против этого, остальные воздержались от принятия какой-либо позиции, в частности Китай, провозгласивший нейтралитет, но все еще проявляющий некоторые пророссийские наклонности, и Индия, также занявшая в основном нейтральную позицию, но с небольшим скептическим трендом в отношении России. Израиль, Саудовская Аравия и Турция проголосовали

<sup>4</sup> J. Lovell. *Maoism: A Global History*, Vintage Books, New York, 2020, p. 16

<sup>5</sup> : Подробнее об этих темах см.: Grz. W. Kolodko. *Chinism and New Pragmatism: How China's Development Success and Innovative Economic Thinking Contribute to the Global Development*, Prunes Press, USA, 2020.

<sup>6</sup> Двенадцать стран не принимали участия в голосовании, пять были против (помимо России, это были Беларусь, Эритрея, Северная Корея и Сирия), а 35 воздержались.

вали за резолюцию, но не присоединились к санкциям. Иран воздержался, но не только не поддержал их, но даже поставляет России свои беспилотники EagleEye, которые могут быть испытаны в противостоянии с беспилотниками, отправленными на Украину Турцией.

У нас не должно быть иллюзий, что, как на форуме ООН, так и в других случаях, занимая официальную позицию, в дополнение к важным идеям, вокруг которых много шума, у государств есть еще более важные интересы, вокруг которых шума отнюдь не так много. В поисках ответа на главный вопрос – что все это значит? – нельзя упускать из виду ни одну из двух этих вещей – идей и интересов, – поскольку на карту поставлены противоречия между ними.

Если политика – это игра (или, как хотят называть ее другие, искусство использовать возможности), то, несомненно, развивающиеся страны захотят использовать нынешний крупный конфликт, вторую холодную войну, в своих интересах. Они не были ее причиной, но, поскольку она есть, важно адаптироваться к ней наилучшим возможным образом. Под развивающимися странами я подразумеваю те, которые не считаются богатым Западом, включая Японию, Южную Корею и Сингапур, а также антиподов – Австралию и Новую Зеландию. В них проживает в общей сложности семь из восьми миллиардов человек на земном шаре. Не считая Китая и Индии, которые ведут собственную глобальную игру, и России, на них приходится около 30% мирового производства. Всемирный банк распределяет страны по четырем группам доходов на основе годового значения валового национального дохода, ВНД на душу населения, рассчитанного в текущих ценах. К этим группам относятся страны с низким, средне-низким, средне-высоким и высоким уровнем дохода. Критерии обновляются ежегодно 1 июля. Таким образом, по состоянию на лето 2022 г., страны с низким уровнем дохода охватывают государства с крайней бедностью, доход которых составляет не более 1085 долл. США на душу населения, средне-низкий уровень находится в диапазоне от 1086 до 4255 долл., средне-высокий – от 4256 до 13 205 долл., высокий уровень – выше 13 205 долл.<sup>7</sup> [4]

Для богатого Запада не только все экономики с доходами ниже определенного таким образом «высокого» уровня, но и некоторые страны с «высокими» доходами являются так называемыми развивающимися рынками. Согласно номенклатуре, используемой МВФ, «развиваются» не только Индонезия и Мексика или Бразилия и Пакистан, но также Польша, Чили, Венгрия и Турция. Я нахожу этот термин – «развивающиеся экономики» – инструментальным, по-

<sup>7</sup> N. Hamadeh, C. Van Rompey, E. Metreau, S. G. Eapen. New World Bank country classifications by income level: 2022–2023, The World Bank, Washington, DC, 2022 (<https://blogs.worldbank.org/opendata/new-world-bank-country-classifications-income-level-2022-2023>; access 2.04.2023).

сколько такой взгляд рассматривает государства, с их обществами и экономиками, не как субъект развития, а как объект, на котором сильные мира сего могут делать деньги. Потому что возможности инвестировать и получать прибыль – часто от финансовых спекуляций на ныне доступных рынках – «появляются», тогда как ранее такие возможности либо отсутствовали, либо были сильно ограничены по политическим и институциональным причинам. Вот почему уже несколько лет я говорю об эмансипации экономик и обществ<sup>8</sup>. Ибо именно в этом все дело – чтобы раскрепоститься в культурном, политическом и особенно экономическом плане в условиях несовершенной, но необратимой глобализации. Люди во все еще развивающихся странах не только хотят освободиться от бедности (иногда абсолютной, иногда лишь относительной), но и пользоваться благами социально-экономического развития, которое сокращает разрыв между ними и теми, кто живет в богатых странах.

Вторая холодная война, обострившаяся после российско-украинского конфликта, ставит эмансипирующиеся экономики в иные условия, нежели раньше. В частности, они втянуты в столкновение Запада с США и Китаем и теперь хотят потерять от этого как можно меньше и, по возможности, приобрести как можно больше. Эмансипирующиеся экономики никоим образом не заинтересованы в растущей международной напряженности, угрожающей безопасности, в то время как для их политических и деловых лидеров возникают новые вызовы, а следовательно, угрозы и приоритеты. Пользуясь этими разрозненными возможностями для продвижения вперед, они разгрызают проникновение в свои дела мировых держав, особенно конфликтующих США и Китая, но также и России, и умасливают их. Таким образом, эмансипирующиеся экономики и общества озабочены чем-то совершенно отличным от западных держав и государств, недвусмысленно выступающих на антироссийской стороне. Российско-украинский конфликт для них очень далек, в то время как их собственные проблемы весьма близки. Стоит иметь это в виду и не поддаваться обману исключительно евро-американской точки зрения.

Начав СВО, президент В. Путин, на удивление, оказал большую услугу врагам Москвы – как тем, у кого были свои мотивы, так и тем, кто был запятнан русофобией. Теперь у обеих сторон есть жесткие антироссийские аргументы. Такие возможности не пропадают даром, они будут использоваться безжалостно в течение длительного времени. В частности, лучшие времена настали для тех, кому выгоден ограниченный вооруженный конфликт вдали от их границ, поскольку он еще больше подпитывает и без того существующую эскалацию спи-

<sup>8</sup> Подробнее по этой проблеме см. Grzegorz W. Kolodko, “Whither the World: The Political Economy of the Future”, Palgrave Macmillan, Houndmills, Basingstoke, Hampshire, 2014.



рали вооружений. Военно-промышленный комплекс и его сторонники в политике и СМИ исключительно хорошо проводят время; так хорошо не было уже несколько десятилетий.

### Евроатлантические и евроазиатские мегасистемы могут мирно конкурировать и сотрудничать

В то время как международная роль России ни в коем случае не обречена на маргинализацию, хотя она, безусловно, будет серьезно уменьшена, у Китая есть еще более серьезные средства, чем раньше, для дальнейшего укрепления своих позиций. Одним из ключевых элементов эволюции будущих глобальных геополитических и экономических мегасистем являются взаимоотношения этих крупных стран и их последствия для глобальных отношений. Существует много мнений по данным вопросам, тем больше оснований привести хотя бы одно, пришедшее на этот раз с Востока, из Китая.

По словам эксперта Пекинского центра международной безопасности и стратегии, базирующегося в знаменитом Университете Цинхуа, «в последние месяцы ходило множество слухов, что “неограниченное” партнерство Пекина и Москвы, о котором было объявлено во время февральского визита В. Путина в Китай на зимние Олимпийские игры, может привести к военному союзу. Но конфликт на Украине непреднамеренно доказал, что сближение Пекина и Москвы – это не союз. Китай не оказывал военной помощи России. Вместо этого он предоставил гуманитарную помощь и деньги Украине... и пообещал продолжать “играть конструктивную роль”. Одна из причин отсутствия китайско-российского альянса заключается в том, что он обеспечивает комфортную гибкость между двумя партнерами. И, несмотря на то что Китай и Россия призывают к многополярному миру, отказ от альянса их устраивает, потому что они видят такой мир по-другому... Россия считает себя жертвой существующего международного порядка. Напротив, Китай является крупнейшим бенефициаром правил глобальной торговли и финансов, принятых Западом после Второй мировой войны. Китай чрезвычайно заинтересован в сохранении существующего международного порядка. Вот почему, несмотря на идеологические разногласия и иногда даже напряженность, Китай, по крайней мере, поддерживает прочные экономические связи с Западом. Ни одна из сторон не желает их разрывать»<sup>9</sup>. [5]

У нас есть опыт предыдущей холодной войны. Было слишком рано говорить о мирном сосуществовании и прагматичном сотрудничестве

<sup>9</sup> Zhou Bo. The war in Ukraine will accelerate the geopolitical shift from West to East, The Economist, May 14, 2022 (<https://www.economist.com/by-invitation/2022/05/14/senior-colonel-zhou-bo-says-the-war-in-ukraine-will-accelerate-the-geopolitical-shift-from-west-to-east>; access 2.04.2023).

во время Корейской войны 1950–1953 гг. или Кубинского ракетного кризиса 1962 г. Было бы слишком рано говорить об этом и во время «братской социалистической помощи» Чехословакии в 1968 г. Тем не менее уже летом 1975 г. удалось завершить Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) «Заключительным актом»<sup>10</sup>.

СБСЕ, проходившее с 1973 по 1975 г., представляло собой процесс встреч на различных уровнях, предметных дискуссий, дипломатических разногласий, жестких переговоров и, главное, компромиссных решений, разрешающих напряженность между Востоком, возглавляемым Советским Союзом, и Западом во главе с Соединенными Штатами. Во время СБСЕ также продолжалась война во Вьетнаме. Американцы бежали из Сайгона всего за три месяца до того, как в Хельсинки был согласован «Заключительный акт». Его подписали 35 стран-участников, все европейцы, за исключением маоистской Албании, плюс США и Канада.

СБСЕ распространялось на весь Евроатлантический блок и только на северную часть Евроазиатского блока, на азиатский континент, охватывающий лишь его российскую часть и нынешние постсоветские республики. В Китае, который в то время не имел большого значения на экономической карте мира, реформист Дэн Сяопин тогда только-только взял бразды правления в свои руки после смерти ортодоксального Мао Цзэдуна, а так называемый «третий мир» (не только в Азии) все еще восстанавливался, все еще вставал на ноги после освобождения от колониализма. Кстати, поддержка, оказанная тогда, в 1950-х, 1960-х и 1970-х гг., социалистическими государствами, особенно Советским Союзом, и в меньших масштабах Китаем, национально-освободительным движениям, находит отклик и сегодня, поскольку сохраняется историческая память – как о колониальных угнетателях, так и о тех, кто помогал в борьбе за искоренение колониализма того времени. Этот фактор все еще многое объясняет сегодня, когда речь заходит, например, об отношении Южной Африки (ЮАР) или Эфиопии к России, или Буркина-Фасо (Верхняя Вольта в колониальную эпоху), или Пакистана к Китаю.

\* \* \*

Мой мирный план по прекращению конфликта на Украине кажется простым, хотя он очень сложен, учитывая диаметрально про-

<sup>10</sup> «Заключительный акт» охватывал четыре так называемых кейса. В первый вошли вопросы европейской безопасности, а также принципы межгосударственных отношений и мер укрепления доверия. Второй охватывал проблемы экономического, научно-технического сотрудничества и охраны окружающей среды. Третий касался прав человека и гуманитарного сотрудничества в других областях. Четвертый – способа продолжения работы СБСЕ.

тивоположные позиции противоборствующих сторон. Во-первых, необходимо срочно объявить о прекращении огня, чтобы не гибли люди. Во-вторых, оно должно эффективно контролироваться комиссией, специально назначенной для этой цели ОБСЕ. В-третьих, Россия и Украина должны согласиться на прекращение огня без предварительных условий. В-четвертых, третьи страны через систему ООН должны гарантировать, что будут соблюдать украинско-российское соглашение. В-пятых, Украина должна получить гарантии безопасности, подтвержденные группой государств, назначенных для этой цели Советом Безопасности ООН. В-шестых, международное сообщество, поддерживающее Киев, должно запустить многолетнюю программу экономической помощи для финансирования расходов на послевоенное восстановление Украины.

Такой план следует рассматривать в более широком контексте мирного сценария из 12 пунктов, предложенного в феврале 2023 г. председателем Китая Си Цзиньпином. Этот смелый план, на мой взгляд, должен стать платформой для всеобъемлющего международного, если не глобального, диалога по предотвращению войны и мирному сотрудничеству между странами с различным идеологическим прошлым и часто конфликтующими экономическими интересами. Противоположный характер этих интересов ни в коем случае не препятствует поиску путей сделать экономическую глобализацию более инклюзивной, или, как предпочитают выражаться китайский лидер и социологи, «беспроблемной глобализацией». Конфликта можно избежать, консенсус возможен<sup>11</sup>. [6] К сожалению, антикитайская риторика Запада, особенно «ястребов холодной войны» в США и Великобритании, и их русофобия усиливаются. Это должно измениться, и в этом особую роль призваны сыграть интеллектуалы, дипломатия и особенно здравомыслящие политики с обеих сторон конфликтующих стран.

Организация *The Economist Intelligence Unit*, влиятельный британско-американский аналитический центр, предполагает, что «в долгосрочной перспективе один блок, выступающий против Запада (во главе с Китаем и Россией), и блок, опирающийся на Запад (во главе с США и ЕС), закрепятся в геополитическом ландшафте и будут использовать экономические и военные рычаги для привлечения к суду стран, которые не примкнули ни к одной из сторон. Мы ожидаем, что эта конкуренция за влияние быстро распространится за пределы Азии и охватит Африку, Ближний Восток и Латинскую Америку»<sup>12</sup>. [7] К сожалению, дела идут таким образом уже некоторое время,

<sup>11</sup> Huiyao Wang and A. Michie (eds.). *Consensus or Conflict: China and Globalization in the 21st Century*, Springer, Singapore, 2021

<sup>12</sup> What does the Ukraine crisis mean for the US?, *The Economist Intelligence Unit*, April 12, 2022 (<https://www.eiu.com/n/what-does-the-ukraine-crisis-mean-for-the-us/>; access 2.04.2023).

и реакция на шок от СВО России на Украине еще больше усиливает это<sup>13</sup>. [8] Это не сулит ничего хорошего.

Вместо конфронтации по такой линии евроатлантическая и евроазиатская мегасистемы могут мирно конкурировать и сотрудничать. Более того, усиление транснациональных экономических, культурных и дипломатических рычагов может сделать бесполезными военные рычаги повсюду, в том числе в регионе Тихого и Индийского океанов. В обоих блоках ключевую роль, на мой взгляд, должен играть Европейский союз, который, учитывая его местоположение, принадлежит каждому из них и которому необязательно принимать чью-либо сторону в американско-китайском соперничестве и спорах.

### Список литературы / References

1. Grz. W. Kolodko. Blog. Truth, Errors, and Lies: Politics and Economics in a Volatile World, post 2506, November 10, 2014 (<https://www.wedrujacyswiat.pl/blog/kolodko/>; access 2.04.2023).
2. Grzegorz W. Kolodko. «Socialism, Capitalism, or Chinism?», «Communist and Post-Communist Studies». 2018, Vol. 51, No. 4, p. 285–298 and Grz. W. Kolodko. China and the Future of Globalization: The Political Economy of China's Rise. I.B. Tauris Bloomsbury, London – New York, 2020.
3. J. Lovell. Maoism: A Global History. Vintage Books, New York, 2020, p. 16.
4. N. Hamadeh, C. Van Rompey, E. Metreau, Sh. Gr. Eapen. New World Bank country classifications by income level: 2022–2023, The World Bank, Washington, DC, 2022 (<https://blogs.worldbank.org/opendata/new-world-bank-country-classifications-income-level-2022-2023>; access 2.04.2023).
5. Zhou Bo. The war in Ukraine will accelerate the geopolitical shift from West to East, The Economist, May 14, 2022 (<https://www.economist.com/by-invitation/2022/05/14/senior-colonel-zhou-bo-says-the-war-in-ukraine-will-accelerate-the-geopolitical-shift-from-west-to-east>; access 2.04.2023).
6. Huiyao Wang and A. Michie (eds.). Consensus or Conflict: China and Globalization in the 21st Century, Springer, Singapore, 2021.
7. What does the Ukraine crisis mean for the US?, The Economist Intelligence Unit, April 12, 2022 (<https://www.eiu.com/n/what-does-the-ukraine-crisis-mean-for-the-us/>; access 2.04.2023).

<sup>13</sup> Grz. W. Kolodko. Global Consequences of Russia's Invasion of Ukraine: The Economics and Politics of the Second Cold War", Springer, Cham, 2023.

8. Grz. W. Kolodko «Global Consequences of Russia's Invasion of Ukraine: The Economics and Politics of the Second Cold War», Springer, Cham, 2023.

*Дата предоставления рукописи: 25 апреля 2023*

*About the author*

**Grzegorz W. Kolodko** – Director of TIGER – Transformation, Integration and Globalization Economic Research, Kozminski University (Warsaw).

kolodko@kozminski.edu.pl

**Economic Nonsense and the Dangers of the Second Cold War**

**Annotation.** For the fourth time in the 21st century, we are being told that the world as we know it has come to an end that nothing will be as it was before anymore. Such opinions prevailed not only in the media and political circles but also in numerous social scientific studies. This was the case after the terrorist attack by Islamic fundamentalists on the World Trade Center in New York on September 11, 2001. After the global financial and economic crisis of 2008–2010, the world was supposed to be very different from before. The same was said in the context of the devastating COVID-19 pandemic. This is also the case, even more pronounced, now in the face of the Russian-Ukrainian conflict. Undoubtedly, each of these dramas – with all the differences between them, one of the biggest of which is that the crisis at the turn of the first and second decades of this century was foreseeable – leaves a significant mark on the reality around us and strongly affects the future. Therefore, let me reiterate right away, that the world of ours got into a trap, but it can make its way out. It can, it does not have to.